

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВОЕ В ЭТНОГРАФИИ

полевые исследования

**Вып.
I**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. И. ВАЙНШТЕЙН

МОСКВА
«НАУКА»
1989

национальных казахских браках данная причина указывается лишь в 10 % случаев, в русских браках — в 20 % случаев.

Неодинаково отнеслись к образованию однонациональных и национально-смешанных семей и друзья опрошенных. Среди вступивших в однонациональные русские и казахские браки лишь 2 — 3 % ответили, что их друзья не одобрили их брака. Зато среди тех, кто вступил в национально-смешанный брак, таких ответов было около четверти. И еще 14 % ответили, что отношение друзей к браку зависело от национальной принадлежности самих друзей. Такие ответы чаще давали русские, вступившие в межнациональный брак.

Таким образом, с достаточной уверенностью можно утверждать, что социально-психологический климат, формирующийся вокруг национально-смешанных браков, является одним из значительных факторов их меньшей устойчивости по сравнению с однонациональными казахскими браками.

¹ Холмогоров А. И. Интернациональные черты советских наций. М., 1970. С. 87.

² Салимов А. Г. Формирование населения г. Сумгаита и межнациональные культурно-бытовые контакты // Автореф. канд. дисс. . . ист. наук. Минск, 1986. С. 17.

³ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 214.

⁴ Боярский А. Я. Курс демографии. М., 1974. С. 88.

⁵ Сусоколов А. А. Межнациональные браки // Сто наций и народностей. М., 1985. С. 89.

⁶ Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.

⁷ Юркевич Н. Г. Советская семья. Минск, 1970. С. 198.

К. БАЙБОСЫНОВ, Р. МУСТАФИНА

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О КАЗАХСКИХ ШАМАНКАХ

Шаманство было известно в прошлом всем народам Средней Азии и Казахстана. Это явление имеет много общерегиональных черт, однако шаманская практика каждого народа обладает и определенной спецификой. Для выявления этнических особенностей шаманского культа важно обращать внимание как на детали обрядности, так и на специфику шаманского мировоззрения, изучению которого помогает анализ сновидений шаманов.

Данная статья посвящена казахскому шаманству, о котором есть уже немало публикаций¹. В них, как правило, описано мужское шаманство. Сведений о женщинах-шаманках в этнографической литературе вплоть до недавнего времени не было². Тем интереснее новые этнографические материалы, рассказывающие о казахских шаманках; они уточняют и обогащают наши представления о шаманстве в целом, характерном для далекого прошлого казахов. В настоящее время встреча с шаманом или шаманкой — большая редкость. Данная статья рассказывает о двух встречах с казах-

скими шаманками (баксы) — Кенжегыз (материалы К. Байбосынова) и Хадишой (материалы Р. Мустафиной). Сведения о них, собранные соответственно в 1978 и 1983 гг., существенно дополнены авторами в 1985 г.

I. Кенжегыз Мусаева (1898 года рожд., Сарысуский р-н Джамбульской обл. Каз. ССР).

Кенжегыз часто страдала бессонницей и тяжелыми сновидениями. Ни знахари, ни муллы, ни посещения святынь не избавили ее от недомоганий. Однажды Кенжегыз, вернувшись домой после праздничного застолья, на котором она была вынуждена выпить палку водки, потеряла сознание. Когда через несколько дней она пришла в себя, ее лицо было перекошено. Муж Кенжегыз привез ее к мавзолею Аулие-Ата, у которого она провела несколько суток. Вернувшись домой, она увидела сон. Среди песков к саксаулу был привязан верблюд. Из его рта шла пена. Он жалобно просил его освободить. Кенжегыз отпустила его на свободу. Вскоре она увидела его, нагруженным ящиками с водкой. Верблюд громко сказал: «Эй, женщина, твоя болезнь от водки», — и исчез. С тех пор Кенжегыз убеждена, что причиной ее болезни была водка. После посещения мавзолея Аулие-Ата, по словам Кенжегыз, ей стало лучше, но припадки повторялись. Ей часто грезилось ночью, что какие-то волосатые люди уводили ее от дома. Она видела себя среди неизвестных ей женщин и мужчин, которые ей угрожали и звали к себе, говоря: «Будь шаманкой, иначе не поправишься».

Когда Кенжегыз серьезно заболела, приехала шаманка Кумус, жена брата отца. Кумус испытывала физические страдания, если в четверг и в пятницу не камлала: у нее отекали ноги и руки. Поэтому она сама искала больных. Она взялась лечить и Кенжегыз, устроив камлание — «игру» («ойын»). Кумус «играла» («ойнады») в юрте при большом собрании людей. В центре юрты сидела Кенжегыз. Когда шаманка начала призывать своих джиннов, Кенжегыз почувствовала облегчение, прилив энергии и сил. После камлания Кумус пожелала ей здоровья, объявив: «На тебя снисходит шаманство». («Саған бақылық, қонайын деп жүр») и вручила Кенжегыз плетъ. Она призвала Кенжегыз помогать людям, не обманывать их, содержать себя в ритуальной чистоте, лечить больных, обязательно один раз в неделю «играть», брать предлагаемую плату, но не стараться получить больше.

На следующий вечер Кенжегыз уже сама камлала для женщины, которой, по общему убеждению, навредил дух албасты, напугав ее. Глаза этой женщины были красными, волосы лохматыми: она тяжело дышала и старалась вырваться из рук державших ее золовки и снохи. Перед камланием Кенжегыз приказала женщине сидеть, ударив ее по голове плетью. Женщина притихла. Во время камлания Кенжегыз размахивала плетью и звала на помощь святых. По ее словам, она видела своих духов-помощников в образе людей, подсказывавших ей действия и речи.

С тех пор Кенжегыз лечила больных, которым будто бы нанесли вред албасты и джинны. У нее был период, когда ей редко

приходилось камлать, и ее болезнь возобновилась. Во сне она часто видела людей, душивших ее. Однажды ей приснился ее отец, который в свое время лечил людей от «сглаза» («көз тию»). Он спросил ее, почему она перестала шаманить, и объявил, что ей осталось три дня жизни. Отец будто бы положил Кенжегыз на спину, голову повернул на восток, сел на нее и влил яд в глаза. Кенжегыз, плача, согласилась продолжать шаманить. Отец сказал: «Даю тебе белого барашка, не потеряй его». Перед уходом он предупредил, что вернется через два дня. Проснувшись, Кенжегыз убедилась, что ее глаза не были повреждены. Она вновь занялась шаманством. По словам Кенжегыз, она лечила сумасшедших, призывая во время камлания на помощь святых из Самарканда и Туркестана, чтобы они помогли ей в борьбе с шайтанами, являвшимися ей в образе девушек и женщин. Однажды ее духи «люди» известили ее, что в соседнем ауле заболел человек, и она отправилась туда. Кенжегыз испытывала волнение перед встречей с больным, для которого предстояло камлать. Она подошла к дому и, несмотря на возражения хозяйки, вошла в дом. В комнате лежал 25-летний парень, который уже три дня не поднимался с постели. После камлания Кенжегыз увидела сон: она будто бы гоняла по дому рыжего шайтана и била его плетью. Он кричал, затем, выскочив из дома, убежал в соседний дом и спрятался за сидевшей там старухой. Шаманка стала бить их обоих. Старуха взмолилась: «За что бьешь мою единственную кормилицу?» (т. е. шайтана. — *К. Б., Р. М.*) и, упав в ноги Кенжегыз, заплакала. Несмотря на это, Кенжегыз схватила на руки шайтана и вынесла его из дома, а на улице отдала его двум всадникам. Позднее она узнала от своих духов («людей»), что рыжий шайтан схватил молодого человека и причинил ему болезнь. По рассказу Кенжегыз, молодой человек стал выздоравливать. Кенжегыз вспоминала, что в молодости она лечила тяжелобольную молодую женщину и камлала ночью на кладбище у святыни. Присутствовавшие на камлании говорили ей, что она с кем-то невидимым дралась, ругалась, и даже будто бы им слышался звон сабель. Камлания у святынь, по мнению шаманки, способствовали выздоровлению: в этих случаях ее «люди» очень скоро приходили на помощь.

В день перед камланием шаманка заставляла резать барана в жертву святым, варить мясо и раздавать его присутствующим. Во время еды она запрещала грызть или разбивать кости животного — их собирали и после обряда закапывали в тех местах, куда «не ступала нога человека». Перед камланием шаманка всегда отдыхала. Для обряда ставилась специальная юрта. Территория вокруг очищалась. Часа за два до камлания Кенжегыз готовила 9 святильников (шырақ); из них два посвящались богу (құдай жолыңа қос шырақ), а семь — духам (аруақ жолыңа) и устанавливались возле очага. Читая коран для предков, она вызывала духов. По словам шаманки, святые духи благословили ее пользоваться плетью, которая помогала ей. «Поймав» шайтана, она его избивала. Кенжегыз испытывала удовлетворение от «игры».

Присутствовавшие на камлании должны были совершить омовение (дарет). «Духи» шаманки будто бы указали ей, кто пренебрег омовением, и шаманка изгоняла их плетью, полагая, что иначе духи не будут оказывать ей помощь. С наступлением темноты разжигали костер. Все усаживались вокруг него, и Кенжегыз начинала рассказывать им о похороненных на кладбище святых, об их праведной жизни. Напоминала, что, проходя мимо могилы, надо говорить: «Бисмилла» (Во имя Аллаха!), так как эти слова оберегают человека от всякой порчи; в противном случае джинны, притаившиеся в могилах, могут навредить человеку. Во время камлания она обращалась к этим святым за помощью. Камлание длилось полтора-два часа и повторялось три дня. После третьего дня шаманка видела сон, который помогал ей узнать причину, время и место заболевания, а также его исход. Шаманка верила, что если во время камлания (зікір) она отнесется к своим обязанностям недобросовестно, то шайтаны тотчас навредят ей или ее родственникам. По словам Кенжегыз, однажды она лечила юношу, и изгнанный ею шайтан навредил ее сыну: сын от болезни умер. По словам шаманки, во время камлания она будто бы поймала этого шайтана и жестоко избила его плетью. Больше он не появлялся. По ее рассказам, этот шайтан был одноглазым, с покрытым волосами телом (считалось, что обычно шайтаны бывают голыми).

Кенжегыз часто грезилась злые духи. Как-то в молодости, после трехдневного камлания, она уснула. Во сне она увидела, как в дом вошел и сел у порога шайтан с распущенными рыжими волосами, с висевшими длинными грудями. Он что-то пробурчал и начал с ней бороться. Кенжегыз хотела его поймать, но он убежал. Обычно такие демоны снились ей тогда, когда она оставалась одна.

Во время камлания Кенжегыз размахивала плетью и призывала на помощь святых:

Түркістанда Түмен бап,
Ен үлкені-ай Арыстан бап.
Сенен де медет сұраймын-ай
О... о... айналайын бабам-ай,

Айналайын, Сулейман
Сенен медет сұраймын,
Арыстан-бап, атам-ай,
Маған да берші батанды-ай.

Ақыретке барғанда,
Қандай да болып жатам-ай
О... о... айналайын бабам-ай.

Ойдан келген он Қожа-ай
Қырдан келген қырық Қожа-ай
Айналайын, бабам-ай
Сені іздеп қайдан табам-ай?
О... о... айналайын, аруақ-ай.

В Туркестане множество святых,
Самый главный — Арыстан бап.
У тебя прошу помощи
О... о... дорогой мой дед,

Дорогой Сулейман,
У тебя прошу помощи,
Арыстан-бап, мой отец,
Дай и мне свое благословение,

Когда уйду в загробный мир,
Что со мной будет,
О... о... дорогой мой дед.

С низины пришедшие десять Ходжа
С возвышенности пришедшие сорок Ходжа
Дорогой мой дед,
Где тебя найду?
О... о... дорогой дух.

Кезіңді қырын сала көр,
Есіңе меңі ала көр.
О... о... айналайын, бабам-ай
Іздеп сені қайдан табам-ай?
Есіктін, алды майда тал,
Майда талға жылқы сал.
Көріп қотыр жиналды-ау,
Қамқорлыққа өзіңе ал.
О... о... жер жүзінде әулие,

Күн көзінде әулие,
Самаркандағы әулие,
Түркістандағы әулие.
О... о... айналайын аруақ,
Әулие болсаң қолдай көр!
Қолтығынан демей көр,
Айналайын аруақ,
Лайлауха, лиллауха,
Мухамбеттен расулла.
(Искаженное арабск. «Ля иляха
илля-ллах ва Мухаммадун
расулюллах»).

Ай! Айналайын, аруақтар,
Тегін мен сені шақырмаймын,
Айдалада басқа бақырмаймын.
Айналайын, аруақтар,
Кезіңнің қырын сала көр,
Есіңе мені ала көр
Әулие атам бабам-ай
Бабай-Түкті-Шашты-Өзіз бабам-ай!
Қолдай көр мені демей-ай,
Қолдай көр мені ісімді,
Айналайын бар күдай,
Оңдай көр мені жұмысымды,
Лайлауха, диллауха,
Мухамбеттен расулла.

Келима атым, Тайма атым,
Лайлауха, лиллауха,
Мухамбеттен расулла.

Лайлаухада пайда бар,
Білмегенге найза бар.
Барар жерін алыс дейді
Азығынды сайлап ал.

Арпа, бидай бір самал,
Алла жактан бір жаман,

Жаманда жаман не жаман,
Қайтып келген жау жаман
Иманынан айырылып
Шерменде болған сол жаман.

Брось на меня свой взгляд,
Помни обо мне.
О... о... дорогой мой дед.
Где тебя найду?
Перед дверью (дома) поросль ивняка,
В поросль ивняка пусти (пастись) лошадей.
Собрались больные (недуги)
Возьми под свою защиту,
О... о... во всем мире имеющиеся святые.

Все на свете святые,
Самаркандские святые,
Туркестанские святые.
О... о... дорогой дух,
Если ты святой, поддержи меня!
Поддержи меня,
Дорогой дух,
Лайлауха, лиллауха,
Мухамбеттен расулла.
(«Нет никакого божества, кроме
Аллаха, и Мухаммад — посланник
Аллаха»).

Ай! Дорогие духи,
Я тебя напрасно не зову,
В степи зря не кричу.
Дорогие духи,
Бросьте на меня свой взор,
Помните обо мне.
Святой мой отец, мой дед
Предок мой Баба-Туклас!
Поддержи меня,
Поддержи меня в моей работе,
Дорогой всеобъемлющий бог
Поправь мои деяния,
«Нет никакого божества, кроме Аллаха, и
Мухаммад — посланник Аллаха».

Мое имя — Келима, моя имя — Тайма
«Нет никакого божества, кроме Аллаха, и
Мухаммад — пророк Аллаха».

В словах: «ля илляхи» польза есть,
Кто их не знает, тому копые есть.
Сказали: идишь ты далеко,
Позаботься о еде.

Рожь, пшеница, ветер,
Плохая весть от Аллаха,

Если плохо, то что плохо?
Когда враг вернется, плохо
Если веру утратишь, вот что плохо.

Қараңғы көрге киргенде,
Мәнкір, мәнкір келгенде,
Жеңсіз кәйлек кигенде
Шығып қетер тесік жоқ,
Сығалап қарар тесік жоқ,

Жан алушы келгенде,
Кеудеге жан салғанда
Рапилла алла дегізген.

Лайлауха миллауха
Мұхамбеттен рассула.

Когда войдешь в темную могилу,
Когда придут Накир и Мункар (ангелы).
Когда наденешь платье без рукавов,
Нет отверстия, чтобы выйти,
Нет отверстия, чтобы выглянуть.

И когда приходил (ангел) забирающий
душу,
И когда в грудь душу вкладывали,
Заставляли сказать: Господь мой, Аллах.

«Нет никакого божества, кроме Аллаха,
и Мухаммад — посланник Аллаха».

После смерти мужа Кенжегыз жила отдельно от детей. Вечерами, когда она сидела одна у своего дома, перед ее взором предстали «люди-мусульмане», т. е. духи в образе ангелов (периштеллер). В четверг и в пятницу они заполняли весь дом, и шаманкой овладевал страх. Ангелы казались ей седобородыми стариками, женщинами в старинных одеждах. Некоторые из них были в тибетейках «эпохи пророка» (Мухаммеда). Они часто с ней разговаривали. Когда Кенжегыз начинала читать Коран, они постепенно удалялись. По ее убеждению, ее «люди» вкладывали ей в уста слова Корана, которые она невольно произносила.

II. Хадиша (1899 года рожд., Кзылкумский р-н Чимкентской обл.).

По ее рассказу, мать и бабушка тоже были шаманками. Однажды она увидела во сне духа (аруаха) в образе человека с большими ушами, который стал вынуждать ее «взять плеть (камши)», т. е. принять шаманство (баксылык). Хадиша отказывалась. Дух приходил неоднократно. По убеждению шаманки, из-за своего неповиновения она потеряла мужа, детей, лишилась здоровья: у нее стали болеть ноги, глаза. Настал день, когда в очередной раз ее посетило видение: аруах, сидя наверху, у потолка, сказал ей: «Протяни руки, дам благословение» («Қолыңды жай, бата беремін»). В ответ она воскликнула: «О, ради души!» («Ой, бай! Жан үшін!»). Аруах поправил: «Не говори: «Ой, бай!»! Говори: «Бисмилля!» («Во имя Аллаха!»). Хадиша вынуждена была «взять плеть» и стать баксы. Ей было 32 года.

День встречи одного из авторов этой статьи — Р. Мустафиной с Хадишой (понедельник) шаманка посчитала благоприятным для призывания духов. Р. Мустафиной и ее спутнице Алме предстояло предсказывание, а Нуржамал, дочери родственницы — помощницы шаманки, ритуальное лечение от «сглаза» (көз тию), называемое «түкіру» (поплевать). Хадишу застали за утренняя чаем. Она была одета в обычные для женщин ее возраста платье, теплую

кофту и жилет. Голову покрывал завязанный на затылке платок, из-под которого по спине опускались косы с вплетенными в них ленточками с монетами. (Одну утраченную монету заменял большой значок в виде медали с изображением хоккеиста). Запястья обеих рук украшали браслеты, средний палец правой руки — кольцо. Весь облик шаманки отличала исключительная опрятность. Эта худенькая невысокого роста улыбчивая женщина, почти лишенная зрения, с трудом передвигавшая большие ноги, встретила гостей очень приветливо и доброжелательно. Спустя короткое время, когда еще продолжалась беседа на общие темы, она отставила чашку, и во всем ее облике стало проявляться некоторое беспокойство. Ее помощница спросила: «Что? Уже будете звать?» Хадиша утвердительно кивнула головой. Было между десятью и одиннадцатью часами утра. Следуя примеру помощницы, присутствовавшие сели на колени, образовав полукруг. Хадиша достала из-под подушки белый сверток. В белом платке были завернуты две плети: одна принадлежала ее бабушке, другая — матери. Обе плети украшены тремя кисточками: одна из перьев филина, другие — из красных ниток. Плеть матери декорирована треугольной металлической бляшкой с двумя сохранившимися пружинами-цепочками. Рукоятка плети аккуратно обмотана красной и синей изолентами. Нижняя ее часть украшена бахромой из кожи, верхняя — обита медной пластиной. К плети, принадлежавшей бабушке Хадиши, подвешены в верхней части две бляшки — круглая, с зеленым камешком в центре, и треугольная, с красным камешком в центре и двумя цепочками-подвесками. Видимо, когда-то была и третья бляшка, которая оторвалась. Рукоятка этой плети обтянута кожей и обмотана медной проволокой, верхняя часть обита металлической пластиной, к нижней пришта медной проволокой аккуратная заплатка. После того, как с разрешения хозяйки плеть побывала в руках у Р. Мустафиной, шаманка похлопала ею себя по спине слева, затем справа, объяснив, что так отгоняет духов. Взяв одну плеть в правую руку, Хадиша села на колени перед Нуржамал. Плеть была чуть наклонена в сторону Нуржамал. Прочитав молитву и заключив ее словами «Верь духам» (Аруаққа сен!), Хадиша закрыла глаза и начала говорить нараспев, однообразно, в ритм своему пению покачивая плетью. Ее помощница стала подпевать: Аулай, аулай, аулам-ай; Аулай, аулай, аулым-ай (не переводится). Повторив много раз эти слова, Хадиша дунула («плюнула») в лицо Нуржамал один раз и продолжала:

Бысмылдай, бысмылдай,
Бегри келді, бысмылдай.

Во имя Аллаха,
Все пришли, во имя Аллаха.

После многократного повторения этих слов Хадиша несильно хлестнула Нуржамал по спине плетью слева и справа, дунула («плюнула») ей в лицо. Удовлетворенно вздохнула, к чему-то прислушиваясь, как бы соглашаясь с чем-то. Провела рукой по лицу. Затем возобновила многократное пение: Аулай, аулай, аулымай, Лайлаха ауымай. Здесь распознается часть арабской фразы: Ля

иляха илляллах ва Мухаммадун расулюллах. (Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха). После этих слов она слегка ударила Нуржамал по левой и довольно сильно по правой щеке, обхватила руками голову Нуржамал, сжимая и перехватывая ее слева направо. Затем продолжила пение, повторяя много раз: Аулай, аулай, аулым-ай, Лайлаха ауым-ай.

Издав хриплый звук, явно выражающий удовлетворение, Хадиша выдержала паузу и потеряла руками лицо. Вновь запела:

Аулаху Акбарай,

Аулаху Акбарай,

Аулаху Өкпегай,

Аулаху Өкпегай

Аллах велик,

Аллах велик,

Аллах Өкпегай (возможно искаженное «Өкпе» — легкое).

(В демонологических поверьях казахов легкое — душа умершего) ³.

Затем она дунула («плюнула») в лицо молодой женщины, издала хриплый звук. Подняла левую руку, опустила, запела опять: «Өкпенагу-аули гулу, өкпенай». Вновь издала хриплые возгласы, прислушиваясь к чему-то, кивнула и продолжила: «Айэй-эй, эйей!» При этих словах помощница воскликнула: «Пришли! О, светоч! (Кельды! Ой, Жарықтық!)» Пение возобновилось: «Лайлагу, айей леуы Лай хаек, аулеу (видимо, искаженное арабск.: «Ля иляха илля-ллах ва Мухаммадун расулюллах» — «нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха»). Затем Хадиша резкими движениями рук потеряла лицо, судя по всему, аруахи «пришли», и очень быстро заговорила, как бы предостерегая кого-то. Слов разобрать не удалось. Шаманка снова издала хриплый звук и позволила Нуржамал уйти, так как молодая женщина куда-то спешила. Передвигаясь на коленях, Хадиша приблизилась к моей спутнице Алме, желавшей получить предсказание о женихе: «К тебе спустились (духи)» («Саған түсті»), — сказала помощница. Спустя некоторое время, она вновь обратилась к ней: «У вас кто-то умер?» Последовал утвердительный ответ: дня за два до встречи с шаманкой у Алмы скончался родственник. Прошло всего несколько минут, и Хадиша сказала, что о женихе сообщить не может, так как не знает, а жизнь девушки будет счастливой. Заметив ее недовольство, Хадиша добавила, что она, вероятно, желает выйти замуж только за жениха из почетного рода «кожа», с которым, кстати, девушка связывала свое происхождение.

Обратившись к Р. Мустафиной, Хадиша заговорила очень быстро (слов разобрать не удалось) с предостерегающей интонацией, в какой-то момент повела плечами, словно в танце. Затем членораздельно и правильно назвала число детей в ее семье, пожелав в заключение всего хорошего. Еще во время сеанса в дом зашла женщина с ребенком. Когда шаманка закончила предсказание, женщина попросила ее «поплевать» на ребенка. Заглянув в рот ребенка, Хадиша покачала плетью и снова «плюнула». Затем слегка постучала плетью ребенка по спине, поплевала и заверила, что все будет хорошо.

До начала сеанса присутствовавшие (по подсказке помощницы шаманки) положили в центр образовавшегося круга деньги. Сумма денег не указывалась и оказалась незначительной — три рубля. Шаманка не обратила внимания на деньги. Когда сеанс был окончен, Хадиша вновь обрела приветливое и доброжелательное выражение лица. С ней удалось немного поговорить. Шаманка объяснила, что, призвав духов, она говорит только то, что они нашептывают ей; в настоящее время она, по ее уверению, утратила свою былую силу. На прощание шаманка благословила гостей, призвав всех святых, среди которых были и Арыстан-баб, и Туркестан-баб, а также предки ее и мужа:

Жер үстінде өулие,
Күн астында өулие
Турынбай баба,
Тудан бабам.

На земле (имеющиеся) святые,
Под солнцем (имеющиеся) святые
Дед мой, Туранбай,
Дед мой, Тудан.

Хадиша берется предсказывать, лечить «от сглаза», находить пропажу. Она совершает также лечебные обряды, не требующие экстатического состояния. Так, если у ребенка болит живот, она опускает большой палец в золу, затем, надавив этим пальцем на пупок, поворачивает три раза, приговаривая:

Мен де қайтым, сен де қайт;
Менін қолым емес, Бібі
Патманын қолы.

Я ухожу и ты уходи;
Не моя рука, рука
Биби-Фатимы.

Болезнь живота «балта жель» («простуду от топора») Хадиша «лечит», постукивая по животу и приговаривая:

Сен балта жел болсан,
Мен балта иесімін.

Если ты — простуда от топора,
То я — владелец топора.

«Лечит» Хадиша также тем, что кусочек одежды пострадавшего наматывает на палку и, поджигая, обводит над его головой. Хадиша использует также лекарственные травы.

Камлание шаманки Хадиши пронизано элементами суфийского радения «джахрия» или «джахр», который, как известно, является шаманизированной формой громкого зикра, развитого адептами конгрегации йасавийа⁴. В нем обнаруживаются также фрагменты зикра, описанного О. А. Сухаревой: тесный круг сидящих на коленях участников обряда, перемещение ишана на коленях от одного участника камлания к другому, хриплые звуки и выкрики, издаваемые во время радения, сосредоточенное повторение одних и тех же фраз — упоминание имен бога и характерных для суфийского зикра возгласов «Алла, ху!» («Он, Бог!»)⁵. Эти черты суфийского зикра, наряду с основной идейной линией камлания — призыванием духов, а также элементами, характерными для обряда «садкок» и «алас» (или обряда магического «встряхивания»), сдавливания головы руками с перехватыванием сначала со лба и затылка, затем — с висков, «чтобы ушла боль»⁶, определили синкретический характер искусной игры шаманки.

Женщины-баксы были известны и в других районах Казахстана. Так, в Джангильдинском р-не Тургайской обл. Каз. ССР помнят о шаманке Билим. Призывая духов, она обычно говорила, обращаясь к одному из них: «Из 90 шкур даже одна шуба не получилась». В возрасте 70 лет она легко допрыгивала до шанрака шестиканатной юрты и долго висела на руках.

Изложенный материал дает новые примеры влияния суфизма на шаманство казахов: в Южном Казахстане зикр стал существенной частью камлания. Становится яснее та важная роль, которая отводилась духам предков среди других духов-помощников шамана. Теперь имеются основания заключить, что ритуальная практика женщин-баксы не отличалась от камланий мужчин, формы шаманской деятельности не зависели от пола баксы. В настоящее время к немногим оставшимся в живых шаманкам обращается ограниченный круг людей, преимущественно преклонного возраста.

- ¹ Валиханов Ч. Ч. Тенкря (Бог). Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. 1; Чеканинский И. А. «Баксылык» (Следы древних верований казахов) // Зап. Семипалатинск. отд. об-ва изучения Казахстана. Семипалатинск, 1929. Т. 1. Вып. XVIII; Диваев А. Баксы // Этнографическое обозрение. 1907. № 4; Кастанье И. Из области киргизских верований // Вестн. Оренбургск. учеб. окр. Уфа, 1912. № 3.
- ² Басилов В. Н. Традиции женского шаманства у казахов // ПИИЭ. 1974. М., 1975; Байбосынов К. Балбике баксы // Білім және еңбек, 1982. № 10.
- ³ См.: Миропиев М. Демонологические рассказы киргизов // Зап. РГО. 1888. Т. X. Вып. 3.
- ⁴ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С. 53; Пантусов Н. Молитвенный сеанс ордена Джахрие-Кадарие в Ташкенте // Зап. Западно-Сибирского отд. РГО. Омск, 1888. Кн. X/11. С. 1—9.
- ⁵ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. С. 51.
- ⁶ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 71—73. Ср.: Троицкая А. Л. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана // Бюл. Среднеазиатск. гос. ун-та. 1925. Вып. 10. С. 150; Троицкая А. Л. Женский зикр в старом Ташкенте // Сб. МАЭ. 1928. Вып. VII. С. 149.

А. И. ГИНЗБУРГ

АДАПТАЦИЯ РУССКИХ В УЗБЕКИСТАНЕ

(некоторые проблемы изучения)

Этносоциологическая программа «Оптимизация социально-культурных условий развития наций в СССР» в каждой союзной республике, избранной для изучения, предусматривала исследование коренной национальности, дающей название республике, и русских, проживающих в ней¹. Основной целью этих работ было выявление глобальных тенденций социально-культурного развития наций и национальных вариаций их конкретного проявления. Полученные в ходе исследования данные позволили охарактери-